

АННА ПИГАРЁВА

ШУБА ВДОВЫ ПОЛКОВНИКА
98 ГРАДУСОВ
ПО ФАРЕНГЕЙТУ

ПЬЕСЫ-КОМЕДИИ

Анна Пигарёва

**Шуба вдовы полковника.
98 градусов по Фаренгейту.
Пьесы-комедии**

«Издательские решения»

Пигарёва А.

Шуба вдовы полковника. 98 градусов по Фаренгейту. Пьесы-комедии / А. Пигарёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837859-1

Комедии Анны Пигарёвой напоминают весёлые сказки про взрослых, в которых наряду с реальными людьми живут и действуют: ожившая шуба, материализовавшиеся галлюцинации, виртуальный профессор. Они помогают героям лучше понять себя, решить проблемы, выйти, наконец, из шкафа, как это сделала ожившая шуба, то есть изменить что-то в своей жизни. Эти веселые комедии ждут своего режиссёра, а пока это не произошло, читателю предоставляется возможность поставить их на сцене своего собственного воображения.

ISBN 978-5-44-837859-1

© Пигарёва А.
© Издательские решения

Содержание

98 градусов по Фаренгейту	6
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	7
Картина первая	7
Картина вторая	12
Картина третья	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Шуба вдовы полковника. 98 градусов по Фаренгейту Пьесы-комедии

Анна Пигарёва

© Анна Пигарёва, 2017

ISBN 978-5-4483-7859-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

98 градусов по Фаренгейту

Комедия в двух действиях с эпилогом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Галина Ивановна Соленая – врач в наркологической клинике, 30 лет.

Больные:

Диабатов – 35 лет.

Равнобедренко – 40 лет.

Котин – 50 лет.

Тарасюк-Дятленко – 60 лет.

Тетя Дуся – уборщица, 70 лет.

Галлюцинации больных – черти (1-й, 2-й, 3-й, 4-й.)

Главный по здравоохранению – 60 лет.

Заместитель главного – 30 лет.

Участники заседания в департаменте здравоохранения – главврачи больниц – 7 человек. (Их роли могут исполнять больные и черти.)

Иностранцы – 2—3 человека.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Одна из палат в наркологической клинике. Больные лежат на кроватях в бессознательном состоянии. На каждой кровати сидит по чертенку. Черти болтают ногами, залезают в тумбочки к больным, едят какие-то сладости, фрукты, вытащенные из тумбочек. Больные ворочаются на кроватях, стонут, но не просыпаются. Черти подходят к больным, поправляют одеяла, щупают пульс.

1-й черт (*обращается к другому черту*). Вот ты как все-таки думаешь? Алкоголь – это яд или не яд?

2-й черт. Не знаю я ничего. Не мое это дело. Неинтересно мне это. Яд, не яд.

1-й черт. Почему не поговорить-то, хоть и просто так. (*Поет «Поговори со мною, мама, о чем-нибудь поговори».*)

2-й черт. Ну, ладно, черт с тобой, давай поговорим, что ли. (*Делается серьезным, рассуждает по палате, рассуждает.*) Ты, стало быть, интересуешься, как вот, например, алкоголь, яд это или не яд? И я тебе скажу так, если бы это был яд, то на каждой, видимо, бутылке был бы нарисован череп с костями, и надпись бы стояла соответствующая – «Яд», а раз нет никакой надписи специальной и черепа нет с накрест лежащими костями, то значит, это никакой не яд. Это вот мое такое мнение.

1-й черт. Вот и я так же думаю. Если бы алкоголь был ядом, то вот они (*показывает на больных*) на кладбище бы лежали. И были бы они покойники. (*Задумывается.*) Да, конечно, не яд. Вот тебе и доказательство вспомнил. Смотри сам. Взять пять килограммов спелого терна, положить в бутылку и пересыпать сахаром.

2-й черт. Ой, только давай без рецептов. Это мне все уже надоело. Терн какой-то!

1-й черт. Нет, дослушай до конца. Значит так, положить в бутылку пять килограммов спелого терна, промытого и просушенного, засыпать сахаром, потом завязать марлей и поставить на солнце на шесть недель.

2-й черт. Ерунда какая-то! Ничего из этого не получится.

1-й черт. Нет, получится.

2-й черт. Нет, не получится.

1-й черт. Из терна не получится? Из промытого и просушенного?

2-й черт. Тебя самого надо марлей завязать и поставить на солнце на шесть недель.

1-й черт (*смотрит на больных*). Смотри, смотри. Зашевелились, занервничали.

2-й черт. А все это из-за твоих дурацких разговоров. А вот интересно, из бананов можно что-нибудь тоже сделать или только из терна, промытого и просушенного?

1-й черт. А почему же нельзя? (*Достает банан из тумбочки больного.*) Только они так вкусней, а потом можно шкурками бросаться.

Черти бегают по палате, дают друг другу щелбаны со словами: «Вот тебе промытого и просушенного», «Вот тебе пять килограммов спелого терна». Потом они завязывают одного из чертей полотенцем, приговаривая: «Завязать марлей и поставить на солнце на шесть недель».

В это время в палату входит делегация иностранцев, вместе с врачом, Галиной Ивановной Солёной. Черти прячутся под кроватями.

Галина Ивановна (*оглядывая палату*). Да вылезайте. Чего попрятались?

Черти вылезают, стесняясь, садятся на кровати, каждый к своему больному.

Галина Ивановна (*обращаясь к иностранцам*). Мы разработали новую методику лечения больных данного профиля. (*Щелкает себя по горлу, черти тоже щелкают себя по горлу, переглядываются.*) Собственно говоря, автором ее является профессор Тернов-Просушенный. Суть этого метода состоит в том, что мы материализуем известные всем галлюцинации больных данного профиля. (*Щелкает себя по горлу.*) Вот они! (*С гордостью указывает на чертей.*)

Черти смущенно поправляют что-то на себе, на больных. Иностранцы подходят к каждому из них, здороваются за руку.

Галина Ивановна. Оказалось, как, собственно говоря, и предсказал теоретически профессор Тернов-Просушенный, галлюцинации – это милые, наивные существа, страшные только на первый взгляд.

Черти вскакивают со своих мест, подбегают к иностранцам, пугают их, строят рожи.

Галина Ивановна (*строго*). Ну, хватит! (*Еще строже.*) Я сказала – хватит! (*Черти послушно разбегаются по местам.*) Так вот, эти милые, как я уже сказала, существа стали нашими сообщниками, то есть нет, не сообщниками, а помощниками. Они ухаживают за больными, контролируют пульс, больные к ним постепенно привыкают и начинают верить, что это младший медицинский персонал. Да и мы, признаться, тоже начинаем в это верить. В то, что они действительно являются реальными членами нашего кооператива, то есть нет, коллектива. (*Торжественно.*) И вот, наконец, последнее распоряжение профессора Тернова-Просушенного (*смотрит в сторону чертей*) – он распорядился выдать им настоящие медицинские халаты.

Черти кричат «Ура!», вскакивают с мест, бегут по палате, целуются друг с другом, говоря: «Понял? Мы теперь реальные члены коллектива», «Мы теперь будем младший медицинский персонал».

Галина Ивановна (*после некоторой паузы, строго*). Я сказала – хватит.

Черти разбегаются по кроватям, скромно садятся там.

Иностранцы. Fantastic! Great!

Галина Ивановна. Так вот. Работают они с огоньком, одним как бы своим присутствием создавая неадекватную обстановку, весьма близкую к виртуальной реальности. Мы, сотрудники клиники, также автоматически становимся участниками всего происходящего внутри нее. (*Пауза.*) Идея профессора Тернова-Просушенного заключается в том, что вот эти самые продукты воображения (*указывает на чертей*), реализовав себя в полной мере на медицинском поприще, уже ни при каких обстоятельствах не захотят вернуться назад, в подсознание вот этих наших подопечных. (*Указывает на больных.*) Таким образом, следствие (*указывает на чертей*) совершенно теряет связь с причиной (*указывает на больных*), а причина (*указывает на больных*), соответственно, теряет связь со следствием. (*Указывает на чертей.*) Возникшая таким образом полная дезорганизация между причиной и следствием, как считает профессор Тернов-Просушенный, и приведет ни к чему иному, как к полному и окончательному завязыванию, без зашивания.

Черти хватают полотенца с кроватей больных и завязывают их себе на шею, комментируя сказанное.

Иностранцы (*восхищенно*). Great! Fantastic!

Один из иностранцев. Я есть также врач. Я лечить больной. Я не хотеть верил. Теперь мы видел, что они (*указывает на чертей*) есть живой! Я их люблю. Они помогать врачам. Пусть больной ходит, не зашит, они помогать, чтобы вместе с врачами крепко завязать.

Один из чертей подбегает к нему и завязывает ему на шее полотенце.

Черт. Завязать марлей и поставить на солнце на шесть недель.

Другие черти также подбегают к иностранцам, завязывая им полотенца на шею, приговаривая: «Завязать марлей и поставить на солнце на шесть недель».

Галина Ивановна (*в сторону*). Надоели эти иностранцы. Черт бы их побрал. Ходят и ходят. Как да что.

Черти со словами «Плииз» выпроваживают иностранцев. Галина Ивановна тоже уходит. В палату входит тетя Дуся с ведром и шваброй, собирается протирать пол. Черти подбегают к ней, вырывают у нее из рук швабру, ведро, тряпку, бегают с ними по палате, кричат: «Тетя Дуся, давай подсобим».

Тетя Дуся. Ах вы мои милые! Ах вы мои касатики! Ах вы мои помощники золотые! Дай Бог здоровья нашему профессору дорогому.

Черти бегают вокруг тети Дуси, поют: «Тетя Дуся – Мицубися, тетя Дуся – Мицубися».

Тетя Дуся. Вот озорники! Вот безобразники!

Тетя Дуся берет стул, садится посредине палаты. Черти рассаживаются вокруг нее на полу.

Тетя Дуся. Да, милые мои, так-то. В почете мы сейчас большом. Все внимание нам. Нашим удивительным достижениям. А почему?

Черти. Да, тетя Дусь, почему это?

Тетя Дуся. А потому что мы на их (*указывает на больных*) только самые что ни на есть новейшие методы проверяем, какие только есть на свете. Чтобы они с нашей, как говорится, помощью, завязали, не зашиваясь. (*Показывает знаками.*) Главный наш, конечно, козырь – это вы. (*Указывает на чертей. Черти, красуясь, поглядывают друг на друга, бьют себя в грудь.*) Такого козыря ни у кого нет, хоть весь свет обойди. Только наш Тернов-Просушенный и додумался! (*Гордо.*) Это мы первые из всех и наладили эту, как ее, материализацию галлюцинаций. (*Путает буквы в слове, повторяет три раза.*) Тьфу ты, Господи! Не выговоришь никак!

Черти. Нет, тетя Дусь, галлюцинации – это мы наладили, это не профессор, это мы первые, а он только уж потом эту, как ее, материализацию галлюцинаций. Значит, мы первой, а он уж после нас.

Тетя Дуся. Ну ладно, ладно, вы первой, а он уж потом. Зато уж метод гуманного запугивания – это его наработка, ну и другие новации тоже, всех не упомянешь. Он, может, каждый

день что-нибудь придумывает. Не дает ему покоя умная голова! Ой, что-то я разговорилась, так можно и все секреты разболтать.

Черти. Теть Дусь, ну Расскажи еще про наработки. Ну пожалуйста, тетя Дусь. Ну Расскажи еще про новации нам.

Тетя Дуся. Нет, нет, и не просите. Некогда мне здесь с вами разговаривать. Дела у меня.

Тетя Дуся протирает пол посредине палаты, черти прыгают через швабру. Больные беспокойно ворочаются на кроватях. Затем тетя Дуся берет ведро, швабру, тряпку и уходит из палаты.

1-й черт. Вот так всегда. То нам все внимание, халаты, говорят, настоящие дадим, чтоб все, как один коллектив, то от нас опять какие-то тайны, секреты. Мол, вы – младший медицинский персонал, так и знайте свое место.

2-й черт. Правильно, правильно. Это всегда так. «Пили, ели – кудрявчиком звали; попили, поели – прощай, шелудяк». Конец цитаты.

1-й черт. А что это такое, шелудяк-то?

2-й черт. А я сам не знаю.

1-й черт. А зачем тогда говоришь, если не знаешь? Зачем тогда говорить-то? Не знаешь, так тогда не надо и говорить, понял? *(Наступает на него.)* Объясняй, что такое шелудяк!

2-й черт. Да не знаю я. Отвяжись. Я же сказал: «Конец цитаты». Значит, вопросы не ко мне. Отстань.

Начинают драться. Больные беспокойно шевелятся на кроватях. Вдруг один больной просыпается.

Диабатов *(проснувшийся больной).* Ой, где это я? Ничего не помню. *(Трет голову руками.)*

Черти прячутся, а один из них надевает белый халат и подходит к больному.

3-й черт. К вашим услугам. Сотрудник клиники профессора Тернова-Просушенного. Что вам угодно? Может, судно? *(Достает из-под кровати судно, начинает запихивать его под больного.)*

Диабатов. Да не надо мне ничего. *(Подозрительно оглядывает черта.)*

3-й черт. Это как вам угодно будет, а если что, то мы всегда к вашим услугам.

Остальные черти наблюдают за происходящим, но Диабатов их не видит.

Диабатов. Слушай, друг, где это я, серьезно? *(Ощупывает себя.)* Не помню ничего. Как это я здесь очутился?

3-й черт. Извините, пожалуйста. Только мы справок никаких не даем. *(Гордо.)* У нас учреждение частное, специфического профиля.

Диабатов *(грустно, с чувством).* Вот и докатился! *(Оглядывает кровать.)*

«Встал и вижу: что за черт – вместо бойкой тройки...

Забинтованный лежу на больничной койке.

И вместо лошадей по дороге тряской

Бью я жесткую кровать мокрую повязкой.

На лице часов в усы закрутились стрелки.

Наклонились надо мной сонные сиделки».

3-й черт во время декламации внимательно присматривается к больному.

3-й черт. Да вы, пожалуйста, не волнуйтесь. Могу вас сразу успокоить: вы не в травматологическом отделении. Руки-ноги у вас целы. А насчет кроватей это вы зря. Мебель у нас вся первоклассная и кровати тоже замечательные. А как же иначе? У нас же ведь и иностранные гости бывают. *(Гордо.)* Да.

Диабатов. Да это я так, Есенина, Сергея, вспомнил. *(Оглядывает себя).* А сам-то я вроде действительно не забинтован. Руки-ноги целы.

3-й черт *(в сторону).* Бредит, наверно. Дружков своих по фамилиям перечисляет. *(Диабатову.)* Позвольте вас разочаровать, нет у нас такого больного. Я-то уж все фамилии выучил наизусть. Это наша обязанность. И еще судно, если кому надо. *(Достает судно, начинает записывать его под Диабатова.)*

Диабатов. Да отстань ты от меня со своим судном. В сумасшедший дом я, что ли, попал? Привидения какие-то ходят в белых халатах. *(Взгляд Диабатова становится бессмысленным, говорит, как в бреду.)* «На лице часов в усы закрутились стрелки». *(Замолкает, поворачивается к стене.)*

Черти, наблюдавшие разговор их товарища с Диабатовым, подходят к нему, жмут руку, поздравляют.

Черти *(по очереди).* Ну, поздравляем, поздравляем, с первым тебя, так сказать, больным!

3-й черт *(красуясь).* Ну, как я смотрелся?

4-й черт. Ну вылитый наш профессор! Все как он – Тернов-Просушенный. *(Передразнивает.)* «У нас учреждение частное, специфического профиля». Здорово ты его еще с Есениным этим срезал: мол, нет у нас таких больных, и точка.

3-й черт. А как же.

1-й черт. На кровати стал жаловаться. Кровати его, видите ли, не устраивают. Ты смотри, какой! Кровати ему жесткие!

3-й черт. А как я ему судно подавал? *(Гордо.)* Вежливо так, но настойчиво. А дальше его уж дело: не хочешь, не надо. А я действую согласно должностной инструкции.

1-й черт. Ну, профессионал! Что тут говорить! Хоть и без диплома.

3-й черт. А на черта мне этот диплом-то? Главное что? Ориентируешься в реальной обстановке, значит, профессионал!

4-й черт *(мечтательно).* А я еще люблю, когда в рифму говорят. Успел записать за ним две последние строчки.

Черти. Вот это ты молодец, а мы вот не догадались.

4-й черт *(читает по бумажке).* «На лице часов усы закрутились стрелки. Наклонились надо мной сонные сиделки».

Черти. Здорово! Прямо за душу берет.

4-й черт. Мне кажется, что это он нас и имел в виду.

Черти *(удивленно).* Как это?

4-й черт. А ведь мы эти самые сиделки и есть. Все время над ними наклоняемся: то одеяло ему подоткнешь, то подушечку поправишь.

Черти начинают подтыкать одеяла под больных, поправляют подушки.

Диабатов. Ну замучили эти галлюцинации. Просто сил никаких нету. Когда же это кончится? *(Замолкает, поворачивается к стене, снова засыпает.)*

Картина вторая

Больные уже вышли из состояния гипнотического сна. Их в палате четверо. Диабатов спит, повернувшись к стене. Остальные трое ходят, разговаривают.

Равнобедренко. Врачи тут неплохие. Внимательные.

Тарасюк-Дятленко. Профессор, как его? Тернов-Просушенный, солидный такой, авторитетный.

Котин. А младший медицинский персонал мне лично не нравится. Я больше люблю, когда там женщины, ну, девушки, с причёсочками, с челочками, в колготочках, в общем – медсестры когда. Это совсем другое дело. Шуры-муры, туда-сюда. Галина Ивановна – женщина, правда, видная. Все при ней, все на месте.

Входит первый черт в халате.

1-й черт (*смотрит в бумажку*). Тарасюк-Дятленко, на процедуру. (*Снова смотрит в бумажку*.) А Равнобедренко у нас готовится. Где у нас Равнобедренко?

Равнобедренко. Вот он я. Здесь.

1-й черт и Тарасюк-Дятленко уходят.

Равнобедренко (*обращается к Котину*). А чего там, на процедурах-то, делают?

Котин. Ну, кому что, это уж по предписанию врача. Кому что пропишут, тому то и делают.

Равнобедренко. Ну хоть не больно?

Котин. Не больно, но страшно.

Равнобедренко. Очень уж эти медбратья подозрительные. Как на них посмотрю, так сразу мне кажется, что схватят они меня и потащат на сковородках поджаривать.

Котин. Ну ты что? Ну и фантазия у тебя! Какие сковородки? Это же медицинское учреждение! Это тебе не фабрика-кухня какая-нибудь! Там котлеты поджаривают.

Раздается крик больного, ушедшего на процедуру.

Равнобедренко (*пугливо*). А! Что я тебе говорил! Вот тебе и не больно. Слушай, а что ты о нем думаешь, об этом Тарасюке-Дятленко?

Котин. Да ничего не думаю. Что мне, делать, что ли, нечего, о нем думать?

Равнобедренко. А по-моему, никакой он не больной.

Котин (*заинтересованно*). Да? А кто же он тогда?

Равнобедренко. Кто, кто? (*Озирается по сторонам*.) Агент влияния, вот кто он!

Котин. Как агент влияния? Зачем в больнице-то? Какой смысл?

Равнобедренко. Как какой? Ходит и влияет на всех. Подозрительный тип. Я сам давно за ним наблюдаю. Точно тебе говорю – агент влияния. Вот сейчас придёт он, будем спрашивать, что да как, а он ничего не скажет. Вот посмотришь сам. Неприятный тип. Отозвал тут меня в сторону, сует какую-то бумажку: «Это, – говорит, – данные статистики за 1913 год, а завтра получишь за 1914. Прочтешь и передашь другому». Я спрашиваю: «Зачем они мне?» А он говорит: «Читай, читай. Так надо». Точно – агент влияния.

Котин (*заинтересованно*). А чего там хоть написано?

Равнобедренко (*разворачивает какую-то бумажку*). Вот. Сейчас прочту. Так. «Каждый год у нас бывает заедено зверями семьдесят человек».

Котин. Это где заедено-то?

Равнобедренко. А я откуда знаю? Сам не в курсе. Дальше: убито молнией 550 человек, сгоревших – 900, отравившихся – 1000, замерзших – 1230. А ежегодно умирает от опоя водкой на 928 человек больше всего этого количества людей, погибших не своей смертью. Вот что делалось, оказывается, какая была обстановка. Ну, что ты скажешь? Может такое быть или нет?

Котин. Стой, сейчас прикину. (*Берет карандаш и бумагу, считает.*)

Равнобедренко. А я в газете тоже читал, один тоже выпил, пошел в лес и замерз там. В пальтишке был в легоньком, поэтому и замерз. А звери – они, конечно, не замерзают, они же в шубах. А этот замерз, потому что в пальтишке был в легоньком.

Котин. 4678 получилось. Во сколько наших-то полегло! В нашего молния, конечно, не попадёт никогда, потому что он движется не по прямой. Вот она попасть и не может. Бьет по другим.

Равнобедренко. Нашего зверь трогать не будет. Наш, когда выпьет, он – добрый. Вот зверь его и не трогает. Он добрый, и зверь его не тронет. Уважает за доброту. Понял? Чует зверье!

Входит Тарасюк-Дятленко.

Равнобедренко. Ну, как? Что за процедура такая? Это ты там кричал?

Тарасюк-Дятленко не отвечает, машет рукой, ложится на кровать, поворачивается к стене. Равнобедренко и Котин понимающе переглядываются.

Картина третья

Поздний вечер. Дежурный врач, Галина Ивановна Соленая, сидит за столом, перебирает бумаги. Полумрак, горит настольная лампа.

Входит один из чертей в белом халате.

Галина Ивановна. Всем сделайте, пожалуйста, успокаивающие уколы. (*Зевает.*)

Черт (*записывает себе что-то в бумажку*). Так. Сколько? Кому? Куда?

Галина Ивановна (*зевает, машет рукой*). А всем подряд. Да. Всем подряд. В ягодицу. Ясно?

Черт. Нет, неясно.

Галина Ивановна. Что неясно?

Черт. Сколько уколов, неясно. Их же, как известно, две. Значит, получается, по два укола на брата.

Галина Ивановна. Нет, делать по одному. Ясно?

Черт. Неясно. В правую или в левую?

Галина Ивановна (*чесет голову*). Думаю, так: тем, которые лежат справа, делай в левую, а тем, которые лежат слева, делай, пожалуй, в правую. Запутал меня совсем.

Черт. А если кто попросит добавки?

Галина Ивановна. Какие могут быть добавки? Иди. Не перепутай! Каждому по одному уколу, и никаких добавок.

Черт уходит.

Галина Ивановна. Черт знает что такое! Младший медицинский персонал называется. *(Пауза.)* Сейчас все уснут, и я тоже посплю. Ой *(бьет себя по лбу)*, забыла! Мне же еще истории болезней писать! *(Перебирает истории болезней, лежащие на столе.)* Эти истории с болезнями больных – они такие толстые, такие длинные. Даже лучше так: это истории врачей, про болезни больных, записанные с их слов. Это более правильно. Так оно на самом деле и есть. Некоторые больные рассказывают о своих болезнях так подробно, что мы еле успеваем записывать. *(Зевает.)* Рассказывают и рассказывают. Рассказывают и рассказывают. Есть такие, которые не пропустят ни одну мелочь. *(Поднимает палец вверх.)* Наш долг как медиков – выбрать самое главное *(зеваает)*, чтобы получилась хорошая история. А *(машет рукой)*, все равно эту муру читать никто не будет. Бесплезная работа! Сейчас все, наверно, уже уснули, посплю и я.

Засыпает. Видит сон.

Через сцену тянется очередь в винный магазин. В очереди стоят больные, в пальто, в куртках. Зима. Идет снег. Больные держат авоськи с бутылками. Слышится специфический звон.

Появляется Галина Ивановна с Диабатовым. Одеты по-зимнему.

Галина Ивановна. Где это мы?

Диабатов. Тихо. Не шумите. Очередь это.

Галина Ивановна. А что это за звон такой? Слышите? Динь-динь.

Диабатов. Слышу, слышу.

Галина Ивановна *(радостно обращается к Диабатову.)* Ну-ка, угадайте, в каком ухе звенит? Если в правом, то добрый помин, а если в левом, то тогда худой. Ну?

Больные. Кто худой? Где худой?

Диабатов. Тише. Вон на вас уже и больные оглядываются. Бутылки это звенят, понятно? А никакой не помин.

Галина Ивановна. Ах, это значит бутылки. *(Заинтересованно.)* А какие бутылки?

Диабатов. Да известно, какие. *(В сторону.)* Ничего не понимает. А еще врач называется.

Галина Ивановна. Да, я врач, и меня всё беспокоит. Почему шум, звон этот? Ведь исход лечения больного, как известно, зависит во многом знаете, от чего?

Диабатов. Откуда же я знаю. Я же сам больной. А от чего, интересно?

Галина Ивановна. Сейчас вспомню. Вот! Он зависит от лечебно-охранительного режима, в основе которого лежат мероприятия, ограждающие больного от отрицательного влияния на него отдельных, раздражающих факторов внешней среды.

Диабатов. Каких это факторов?

Галина Ивановна. Да вот звон этот – тоже фактор. Он нарушает покой больного. Это же недопустимо! Я волнуюсь, я переживаю. У меня болит душа.

Диабатов. Что болит?

Галина Ивановна. Когда я, дыша, вернее, когда я дышу, у меня внутри что-то болит. *(Плачет.)*

Диабатов. Ну, это ничего, это пройдет, и поправитесь вы. *(Галина Ивановна плачет еще сильнее.)* А на морозе разве плакать можно?

Галина Ивановна. А что такое?

Диабатов. Слезки ваши возьмут и замерзнут.

Галина Ивановна *(сквозь рыдания).* Не замерзнут.

Диабатов. Нет, замерзнут.

Галина Ивановна. Нет, не замерзнут они. Потому что они соленые, а я теплая.

Диабатов (*нежно берет ее за руку*). А что вы теплая – это правильно. Рука вот у вас такая теплая и мягкая. Похожа на батон из булочной. А температура у вас нормальная. Если взять по Фаренгейту, то градусов так 98, я думаю, будет.

Больные, гремя бутылками, окружают их.

Тарасюк-Дятленко. Какие 98 градусов? Ты что? Когда такую продавали? Больной он еще, Галина Ивановна. Рано его выписывать. (*Подражая врачам.*) Придётся, так сказать, продолжить курс. (*Пугает его.*) Вы, Галина Ивановна, и остальных проверьте. Пусть каждый скажет, в каком ухе звенит, а потом уж решайте, выписывать или нет.

Галина Ивановна. Вот давайте с вас как раз и начнем.

Тарасюк-Дятленко. А кто возражает?

Больные начинают греметь бутылками.

Галина Ивановна. Ну, в каком ухе звенит?

Тарасюк-Дятленко. В правом.

Галина Ивановна. Правильно. Испытание прошло успешно. Выписать его немедленно.

Тарасюк-Дятленко (*гордо смотрит на остальных*). Вот так!

Больные. Ну, повезло тебе!

Галина Ивановна. Кто следующий?

Выходит Равнобедренко.

Равнобедренко (*обращается к больным*). Валяйте.

Больные гремят бутылками.

Галина Ивановна. Ну? В каком ухе звенит?

Равнобедренко. В левом. (*Задумывается.*) Нет, кажется, в правом. (*Решительно.*) Нет, все-таки в левом.

Галина Ивановна. Нет, с выпиской пока подождем. Рано пока. Следующий.

Выходит Котин. Больные гремят бутылками.

Галина Ивановна. Ну, в каком ухе звенит?

Котин (*задумывается, другие больные смотрят на него в ожидании*) В обеих. Или в обеих? Не знаю, короче, в каком.

Больные. Ну что же ты? (*Передразнивают его.*) «В обеих, в обеих».

Галина Ивановна. Тут ничем помочь не могу. Медицина бессильна. Тут сложный случай.

Больные. Медицина бессильна. Медицина бессильна. Медицина бессильна.

Появляются черти, уже без белых халатов, подхватывают больных под руки. Больные и черти танцуют и поют, разыгрывая как бы небольшой спектакль, иллюстрирующий содержание песни «Улица, улица». (Слова неизвестного автора, музыка Дебюка.)

Раз возвращаюсь домой я к себе:

Улица странною кажется мне.

Раз возвращаюсь домой я к себе:
Улица странною кажется мне.
Припев:
Левая, правая
Где сторона?
Улица, улица
Ты, брат, пьяна...

Припев подхватывается общим хором больных и чертей.

И фонари так неясно горят,
Смирно на месте никак не стоят, —
Так и мелькают туда и сюда.
Эх! Да вы пьяные все, господа!

Припев.

Ты что за рожи там, месяц, кривишь,
Глазки прищурил, так странно глядишь?
Лишний стаканчик хватил, брат, вина.
Стыдно тебе – ведь уж ты старина.

Припев.

Галина Ивановна (*после пения*). Диагноз не вызывает сомнения. Будем лечить всех. (*Бьет себя рукой по лбу.*) Господи, мне же еще истории болезней писать надо. (*Черти разбегаются.*) Совсем ведь про них забыла с этой самодеятельностью. На некоторых больных еще и историй никаких нет.

Больные (*наперебой*). На меня нет. На меня тоже нет. Я без истории.

Галина Ивановна. Подождите. Не все сразу. Давайте в очередь, в очередь, как положено, как положено.

Появляется стол и стул для Галины Ивановны. Больные рассаживаются вокруг нее на полу.

Галина Ивановна (*раскладывает бумаги на столе, готовится писать*). Ну-с, начнем. Чья очередь? Кто у нас первый? (*Красит губы, глядя в зеркало.*) Больной, между прочим, должен испытывать к врачу полное доверие.

Выходит Тарасюк-Дятленко.

Тарасюк-Дятленко. Я вам, Галина Ивановна, все в красках опишу, как и что. Если бы кто другой на вашем месте сидел, то, может, и не стал. А вам все расскажу, потому что испытываю полное доверие к вам, как к специалисту. (*Галине Ивановне.*) Мне что, историю всей жизни рассказывать?

Галина Ивановна. Нет, нет. Что вы! Что вы! Только то, что непосредственно относится к делу. (*Записывает.*) История номер один.

Тарасюк-Дятленко. А началось все с того, что стали мне в почтовый ящик еженедельник рекламный записывать: услуги там, продукты, автомобили. Я сначала его выбрасывал, за ненадобностью.

Галина Ивановна. Мне тоже кладут. Я тоже выбрасываю.

Тарасюк-Дятленко. Вот и я также. А один раз соблазнился. Дай, думаю, посмотрю, о чем пишут. Стал читать и втянулся незаметно. Читаю и читаю, читаю и читаю. Интересно мне все. *(Пауза.)* Да и оказался там, внутри, представляете?

Галина Ивановна *(пишет и говорит вслух)*. Алкогольное галлюцинаторное помешательство. *(Больному.)* Так, так, продолжайте, я вас слушаю. *(В сторону.)* Втянулся и оказался там внутри. Интересно. Надо это для себя иметь в виду, чтобы не оказаться там внутри, когда читаешь.

Тарасюк-Дятленко. Ну так вот, оказался я там внутри, огляделся кругом. Народу! Кругом спуют. Договариваются о чем-то.

Галина Ивановна *(пишет и говорит)*. Больной начинает слышать голоса. Сейчас узнаем и дополнительные подробности.

Тарасюк-Дятленко. Сначала-то я стоял сам по себе, наблюдение только вел. А потом они меня вдруг заметили, подлетели аж трое, за руки схватили. «Разреши нам, – говорят, – будем тебя за умеренную плату из запоя выводить, у нас и лицензия есть». И лицензией этой мне прямо в лицо тычут. Стал я от них отбиваться, а они не отпускают, держат крепко. «Круглосуточно, – говорят, – работаем. Скидку тебе дадим двадцать пять процентов. Доволен останешься». «Не нужна мне, – говорю, – ваша скидка. Отцепитесь». Еле вырвался от них. Передохнул только слегка, а ко мне уж и стоматолог со своими услугами подкатил, адрес и телефон стал в самое ухо нашептывать, соблазнял протезированием зубов. Тут я как оскалился на него, он и увидел, что зубов-то у меня еще много, не на того, мол, нарвался, так и отскочил ни с чем.

Галина Ивановна *(пишет и говорит)*. Тут все ясно. Галлюцинации, а воспринимаются больным как реальная действительность. Галлюцинации угрожающего порядка – это, конечно, некий стоматолог со своими инструментами. *(Больному.)* Так, так. Продолжайте. Я записываю.

Тарасюк-Дятленко. «Да, – думаю, – здесь держи ухо востро». И решил я эту толпу слева обойти, чтобы не приставали. Думал, не заметят меня, тихо проскользну. Нет, засекли. Подослали ко мне опять своих. И стали они меня подбивать, чтобы я им квартиру мою продал. «Тебе, – говорят, – и волноваться ни о чем не придется. Сами все сделаем, сами обо всем позаботимся. Всех расселим, а тебя поместим в нежилое помещение 895 квадратных метров, Юго-Западный округ Москвы».

Больные. Ничего себе! Куда ж тебе столько одному-то? Это только под склад! 895 квадратных метров! Ты что же сам не соображаешь?

Тарасюк-Дятленко. А я так чуть было не согласился, так сладко они меня уговаривали, так все красочно расписывали. Слава Богу, другие вовремя прицепились, стали контраргументы выставлять, противоположное доказывать. «Зачем, – говорят, – тебе квартиру-то продавать, а самому жить в нежилом помещении, даже и большей площади? Ты вон лучше решетки на окна поставь, стальными дверями свое жилище оборудуй, да и живи как король». «Дело, – думаю, – парни говорят». Захотелось мне страшно пожить в полной безопасности, даже и за счет потери связи с окружающим миром.

Галина Ивановна *(в сторону)*. Больной стремиться огородиться от окружающего мира. Это типично. Двери, решетки – это как раз все подходит под диагноз. Удивительно! *(Больному.)* Хорошо. Рассказывайте дальше.

Тарасюк-Дятленко. Уже начал я было с ними о дверях договариваться, только оттер некто этих шустрых агитаторов от меня. Подкрался незаметно, как из-под земли возник. Говорит: «Сбор сведений по уголовным и гражданским делам не требуется?» Задумался я, стал вспоминать врагов своих и обиды. Времени было мало, а и то успел человек десять насчитать,

о ком не возражал бы сведения собрать. Если бы недорого взял, то, наверное, и согласился. Только он такую цену заломил, что у меня сразу челюсть-то и отвалилась. Тут ко мне опять давешний стоматолог подлетел, подкатился. «Видите, – говорит, – и наши услуги понадобились». «Нет, – говорю. – Не согласен, не дам». Обозвал он меня дураком, стукнул мне от злости в челюсть, она на место и встала.

Больные. Вот это мастер. Все бы так работали.

Тарасюк-Дятленко. Не успел я ему даже спасибо сказать, потому что он уже и скрылся, побежал других клиентов ловить.

Больные. А как же. Не подстрелишь, так и не отеребишь.

Тарасюк-Дятленко. Потом заблудился я. Попал в раздел продуктов и напитков. И там уже ни от чего не отказывался, на все соглашался, потому что и проголодался, и выпить захотелось.

Больные. Понятно. Закуска. Все такое.

Тарасюк-Дятленко. Правильно. Короче, когда вышел я оттуда, было уже совсем темно. В отличном был настроении. (*Машет рукой, плюет.*) Тут опять те, давешние засекли, видно специально караулили. Но тут стали действовать не так агрессивно, с подходом, уже руками не хватали. «Хочешь, – говорят, – в один момент тебя вытрезвим, не успеешь глазом моргнуть?» «Не надо мне этого, – говорю, – отстаньте. Мне и так хорошо». «Нет, – говорят, – ты уж нам позволь снять с тебя похмелье, продемонстрировать, так сказать, наши профессиональные наработки». Завидно им, что ли стало, что мне хорошо. «Не подходи», – закричал я, они и отскочили ни с чем.

Галина Ивановна. Так, так. Хорошо. Неплохая история получилась. Длинновато, правда. Но все по делу. Случай типичный. (*Больным.*) Ну, кто у нас следующий? Прошу. Скоренько, скоренько. (*Красит губы, смотрится в зеркало.*) Умоляю, без лишних подробностей. Только главное, только существенное.

Выходит Равнобедренко.

Равнобедренко. Буду максимально краток.

Галина Ивановна. Да уж, пожалуйста.

Равнобедренко. Сведу все к простейшей схеме.

Больные. Мы не возражаем. Давай.

Появляется доска, на которой Равнобедренко рисует треугольник, затем берет указку, начинает пояснять.

Равнобедренко. История моя такая.

Больные. Это он рисунок поясняющий начертил, чтобы врачу было легче разобраться, и история получилась понятная.

Равнобедренко (*начинает водить указкой по треугольнику*). Треугольник внутри был довольно просторный. А углы в нем были такие.

Галина Ивановна. Подождите, подождите. Какие углы? Какой треугольник? Ничего не понимаю. При чем здесь геометрия?

Больные. Это, Галина Ивановна, не про геометрию, а про любовь.

Галина Ивановна. Ну, тогда давайте.

Равнобедренко (*указывает на углы*). У Надежды моей угол был в сорок пять градусов. У меня вот этот, чуть-чуть побольше: пятьдесят пять.

Больные (*переговариваются между собой*). Тоже неплохо. Ну, все-таки мужик, ему чуть-чуть побольше. Это справедливо.

Равнобедренко. А в самом просторном углу жил, как, раз этот, близкий Надеждин друг, в школе они вместе учились.

Больные. Треугольник, Галина Ивановна, что? Замкнутое пространство: муж, жена, любовник.

Равнобедренко. Правильно. По-английски – «lover».

Больные (*переговариваются между собой*). По-английски то это – lover или boyfriend, а по-русски – любовник или сударик.

Равнобедренко. Да, да. Дело повернулось так, что моя Надежда, повадилась ходить к нему, в его угол.

Больные. Вот какая гадина! Ты смотри, повадилась ходить в его угол, а он, выходит, переживал.

Равнобедренко (*взволновано*). Тогда, понимаешь, у них на двоих – ее сорок пять градусов да его восемьдесят. Сколько получается?

Больные. Подожди, не торопись. Мы сейчас прикинем. (*Считают.*) Значит, у нее сорок пять, у тебя – пятьдесят пять, а в просторном углу – этот, сударик. Значит, у них на двоих, с этим типом, будет – сто двадцать пять.

Равнобедренко. Правильно, сто двадцать пять. А? Неплохо получается, да? Устроились, да? А я вроде как обиженный, один в своем углу. А они-то вдвоем. (*Плачет.*)

Галина Ивановна. Да причём тут углы?

Больные. Да это, Галина Ивановна, не про геометрию.

Галина Ивановна. А про что тогда?

Больные. Да про любовь это, про любовь.

Галина Ивановна. Про любовь. Понимаю. (*Смотрится в зеркало, красит губы.*) Про любовь – это я понимаю.

Больные. Да не реви ты! Что ты как баба разревелся. Действовать надо было. Завел бы себе тоже кого-нибудь.

Равнобедренко (*вытирает слезы.*) Я тоже не стал терпеть.

Больные. Ну и что же ты сделал?

Равнобедренко (*гордо*). Поднатужился и повернул одну из сторон своего угла.

Галина Ивановна. Какого угла?

Равнобедренко (*подходит к доске, показывает*). Вот этого.

Больные. Ну а дальше что?

Равнобедренко. Что дальше? Взял и вышел в окружающее пространство. А треугольник за собой аккуратно закрыл.

Больные. Это еще зачем?

Равнобедренко. А как же? Чтобы моей бывшей супруге и ее дружку не надуло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.